

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт археологии Российской академии наук

На правах рукописи

ГИЛЬМИТДИНОВА Алина Харисовна

**КОЧЕВОЕ НАСЕЛЕНИЕ ЮЖНОГО УРАЛА
ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ VI-IV ВВ. ДО Н.Э.
(ПО ДАННЫМ АРХЕОЛОГИИ)**

Исторические науки:

Специальность 07.00.06 – археология

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени

кандидата исторических наук

Москва – 2021

Работа выполнена в отделе скифо-сарматской археологии Федерального государственного бюджетного учреждения науки Института археологии Российской академии наук

Научный руководитель:

Гуляев Валерий Иванович – доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник отдела теории и методики Федерального государственного бюджетного учреждения науки Института археологии Российской академии наук

Официальные оппоненты:

Очир-Горяева Мария Александровна – доктор исторических наук, научный сотрудник отдела первобытной археологии Института археологии им. А.Х. Халикова Академии наук Республики Татарстан.

Мышкин Владимир Николаевич – кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник, заведующий археологической лабораторией Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Самарский государственный социально-педагогический университет».

Ведущая организация

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова».

Защита состоится «28» мая 2021 г. в 12.00 на заседании совета Д002.007.01 по защите диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук, созданного на базе Федерального государственного бюджетного учреждения науки Института археологии Российской академии наук, по адресу: г. Москва, ул. Дм. Ульянова, 19, 4-й этаж, конференц-зал.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке ИА РАН по адресу: г. Москва, ул. Дм. Ульянова, 19, а также на сайте ИА РАН <https://www.archaeolog.ru/ru/dissertation>

Автореферат разослан «_____» _____ 2021 г.

Ученый секретарь диссертационного совета,
кандидат исторических наук

И.А. Дружинина

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования. Кочевники Южного Урала являлись важным элементом в системе степного мира Евразии в раннем железном веке. Культурно-исторические процессы, происходящие в среде южноуральских кочевых племен, были тесно связаны с развитием культур кочевников на западе и востоке евразийского степного пояса. Ранние кочевники¹ Южного Урала взаимодействовали с оседлым населением земледельческих центров Средней Азии, с носителями лесостепных культур на севере, а также родственными кочевыми объединениями из других сопредельных регионов. Активные формы взаимоотношений кочевого населения Южного Урала с окружающим их миром, и образовавшиеся на этой почве тесные контакты не могли не отразиться на материальной и духовной культуре кочевого населения Южного Урала.

Культурная принадлежность, исследованных в диссертации, памятников кочевников второй половины VI–IV вв. до н.э. до сих пор остается дискуссионной. Памятники Южного Урала VI–IV вв. до н.э. сначала относили к савроматской культуре², затем к её локальному Самаро-Уральскому варианту³. В рамках поиска истоков происхождения прохоровской (раннесарматской) культуры, исследователями предлагались

¹ Термин «ранние кочевники» впервые был введен в научный оборот М.П. Грязновым (Грязнов, 1939). Согласно С. С. Черникову это понятие характеризует: «продолжительную историческую эпоху развития племенных и этнических образований, с основой хозяйства – кочевым скотоводством и определенным кругом памятников материальной культуры. Конкретно – это время с VIII в. до н.э.» (Черников, 1960. С. 17). Термин «ранние кочевники» приемлем, так как в древних письменных источниках не существует названия, характеризующего всю эпоху существования кочевых обществ в степях Евразии. Несмотря на то, что термин был принят достаточно давно, он до сих пор активно используется для обозначения кочевого населения степного евразийского пояса в раннем железном веке (Массон, Алекшин, Боковенко, 1978; Таиров, 2007; Погребальный обряд ранних кочевников Евразии, 2011; Яблонский, Балахванцев, 2012; Яблонский, 2016, и др.). Автор данной работы остается верен историографической традиции и применяет этот термин для обозначения в тексте кочевых обществ Южного Урала второй половины VI–IV вв. до н.э.

² Смирнов К.Ф. Сарматские курганные погребения в степях Поволжья и Южного Приуралья // Доклады и сообщения исторического факультета. – М.: Изд-во МГУ, 1947. – Вып. 5. – С. 75-82; Граков Б.Н. ГΥΝΑΙΚΟΚΡΑΤΟΥΜΕΝΟΙ: Пережитки матриархата у сарматов // ВДИ. – 1947. – № 3. – С. 100-121.

³ Смирнов К.Ф. Савроматы. Ранняя история и культура сармат. – М.: Наука, 1964 – С. 289.

разные схемы периодизации кочевнических памятников Южного Приуралья⁴ и Зауралья⁵.

С иным подходом к проблеме подходили Л. Т. Яблонский, Н. А. Мажитов и Р. Б. Исмагилов. Л. Т. Яблонский предлагал ввести понятие «культурно-хронологический горизонт», среди которых им выделялись: древнепрохоровский (вторая половина VI–середина V в. до н.э.), филипповский (вторая половина V–первая половина IV в. до н.э.); переходный (первая половина IV в. до н.э.) и прохоровский горизонт (сер. IV–II вв. до н.э.)⁶.

Н. А. Мажитовым и Р. Б. Исмагиловым для памятников кочевников Южного Урала конца V–IV вв. до н.э. выделялась яицкая культура⁷.

Еще одним из наиболее спорных, и пока нерешенных вопросов в отечественной историографии является вопрос об этнической природе кочевых племен, обитавших в степях Южного Урала в VI–IV вв. до н.э. Если население савроматской культуры в Волго-Донских степях отождествляют с савроматами Геродота, то относительно кочевого населения, Южного Урала до сих пор никакого единства мнений не существует.

К. Ф. Смирнов полагал, что в южноуральском регионе могли обитать исседоны, протоаорсы и роксоланы⁸. Позже, он отождествлял кочевые

⁴ Железчиков Б.Ф., Пшеничнюк А.Х. Племена Южного Приуралья в VI – III вв. до н.э. // Проблемы истории и культуры сарматов (Тезисы докладов Международной конференции, 13-16 сентября 1994 года). – Волгоград: б.и., 1994. – С. 5-8; Таиров А.Д. Прохоровская культура Южного Урала: генезис и эволюция // Раннесарматская культура: формирование, развитие, хронология: материалы IV Междунар. Конф. «Проблемы сарматской археологии и истории». – Самара: Изд-во СНИЦ РАН, 2000. – Вып. 1. – С. 16-28; Гуцалов С.Ю. Древние кочевники Южного Приуралья VII – I вв. до н.э. – Уральск: б.и., 2004. – 136 с; Гуцалов С.Ю. Кочевники Южного Приуралья в системе культур скифского времени Восточной Европы: общее и особенное // Региональные особенности раннесарматской культуры: материалы семинара Центра изучения истории и культуры сарматов. – Вып. II. – Волгоград, 2007а. – С. 83-96.

⁵ Таиров А.Д. Периодизация памятников ранних кочевников Южного Зауралья 7-2 вв. до н.э. // Сарматские культуры Евразии: проблемы региональной хронологии. Доклады к 5 международной конференции «Проблемы сарматской археологии и истории». – Краснодар, 2004. – С. 4-21.

⁶ Яблонский Л.Т. Проблема хронологии и типологизации сарматских культур на современном этапе их изучения (в свете новейших материалов из Южного Приуралья) // Региональные особенности раннесарматской культуры. Вып. II. – Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2007. – С. 37-58.

⁷ Исмагилов Р.Б., Сунгатов Ф.А. Памятники яицкой культуры последней четверти V-IV вв. до н.э. на Южном Урале. – Уфа: Белая река. – 223 с.; Мажитов Н.А. Согласно Геродоту и Страбону // Ватандаш. – 2014. – № 4 (211). – С. 30-39

⁸ Смирнов К.Ф. Савроматы. Ранняя история и культура сармат. – М.: Наука, 1964 – С. 197.

племена степей и предгорья бассейна верхнего Урала – с исседонами, а кочевников бассейна Илека – с дахами-даями⁹.

К исседонам южноуральских степняков относили также В. П. Шилов и Д. А. Мачинский¹⁰.

По мнению некоторых исследователей, наиболее убедительной версией об этнической принадлежности кочевников Южного Урала, оставивших погребальные памятники V–IV вв. до н. э., является та, которая обосновывает их связь с племенным объединением во главе с даями и/или дахами¹¹. Данная гипотеза до сих пор является объектом дискуссий¹².

Кочевое население Южного Урала сложно отождествить с каким-либо из известных, по древним письменным источникам, этнонимом. Культурная принадлежность памятников кочевников Южного Урала второй половины VI–IV вв. до н.э. в настоящее время также еще обсуждается.

Очевидно, что погребальные памятники, являвшиеся основным материалом диссертационного исследования, представляют большой интерес для изучения материальной и духовной культуры кочевых обществ Южного Урала I тыс. до н.э., включая и их социальную организацию.

Полагается, что образ жизни ранних кочевников приводил к значительным перемещениям больших групп населения, процессам смешения и ассимиляции, распространению культурных достижений и регулярным военным столкновениям. Эти процессы, в свою очередь, вызывали изменения в общественной сфере и вели к ее усложнению. Если некоторые элементы материальной культуры кочевого населения Южного

⁹ Смирнов К.Ф. Савроматы и сарматы // Проблемы археологии Евразии и Северной Америки. – М.: Наука. 1977. – С. 129-137.

¹⁰ Мачинский Д.А. О времени первого активного выступления сарматов в Поднепровье по свидетельствам античных письменных источников // АСГЭ. – 1971. – № 13. – С. 30-37; Шилов В.П. Очерки по истории древних племен Нижнего Поволжья. Л., 1975. – С. 134.

¹¹ Десятчиков Ю.М. Процесс сарматизации Боспора. Автореф. канд. дис. М., 1974. С. 9-10; Пьянков И.В. Массажеты Геродота. – ВДИ. – 1975. – № 2. – с. 46-70; Вайнберг Б.И. Этногеография Турана в древности. М.: Восточная литература, 1999. – С. 260-264; Скрипкин А.С. Сарматы (проблемы происхождения, расселения и политической организации) // НАВ. – 2014. – Вып. 14. – С. 7-29.

¹² Таиров А.Д. Кочевники Южного Урала в Центральной Азии во времена Александра Македонского // Крым в сарматскую эпоху. – Симферополь: ООО «Фирма «Салта» ЛТД», 2019. – Вып V. – С. 267-271; Балаханцев А.С. Еще раз о дахах в Средней Азии // Археологическое наследие. Воронеж: Издательско-полиграфический центр «Научная книга», 2020. – № 1 (3). – С. 197-201.

Урала исследованы достаточно подробно, то социальная структура кочевников до сих пор изучена весьма поверхностно.

Недостаточная изученность социальной структуры ранних кочевников Южного Урала делает данное исследование актуальным. Благодаря плодотворной работе специалистов, занимавшихся исследованием ранних кочевников, в настоящее время существует большое количество археологического материала, накопленного в ходе многолетних исследований. В силу этих обстоятельств назрела необходимость в обобщении и интерпретации имеющихся результатов в русле социальной археологии. Решению этой задачи способствуют существующие теоретические разработки в отечественной и зарубежной науке в области социологической интерпретации по археологическим источникам, и уже апробированная методика реконструкции социальных структур древних обществ в историографии. Все эти факторы позволяют обратиться к реконструкциям модели социальной структуры населения ранних кочевников Южного Урала.

Степень разработанности темы исследования. С 20-х годов XX века одними из первых исследователей, кто касался темы изучения социальных структур кочевых обществ Евразии, и в частности кочевых племен Южного Урала, были М. И. Ростовцев¹³, П. С. Рыков¹⁴ и Б. Н. Граков¹⁵.

До начала 70-х гг. XX века среди социальных исследований значительное внимание уделялось проблеме существования пережитков матриархата и вопросам, связанным с наличием материнского рода у савромато-сарматских племен¹⁶.

¹³ Ростовцев М.И. Курганные находки Оренбургской области эпохи раннего и позднего эллинизма // Материалы по археологии России. – Петроград: Девятая государственная типография, 1918. – № 37. – 124 с.

¹⁴ Рыков П.С. Дневник археологических раскопок близ г. Уральска в 1927 г. // Архив ИИМК РАН. Фонд № 2. № 187.

¹⁵ Граков Б.Н. Указ. соч. – С. 100-121.

¹⁶ Смирнов К.Ф. Указ. соч., 1964 – 379 с.; Смирнов А.П. Скифы. – М.: Наука, 1966. – 200 с.

Большой интерес вызывали захоронения, так называемых, «амазонок» – женщин-кочевниц, погребенных с большим количеством оружия¹⁷.

Также, проводились исследования, посвященные изучению детских и мужских погребений кочевников Южного Урала IV–II вв. до н.э.¹⁸

В серии книг по статистической обработке памятников Азиатской Сарматии были рассмотрены группы памятников, характеризующие социальные особенности развития исследуемых культур¹⁹.

Со второй половины XX века в отечественной историографии предпринимаются попытки изучения социальной дифференциации по погребальным памятникам. Одним из первых, кто попытался выделить черты, характеризующие элитные погребения, был К. Ф. Смирнов²⁰. В дальнейшем элитными погребениями ранних кочевников Южного Урала занимались А. Х. Пшеничнюк²¹, Л. Т. Яблонский²², В. Н. Мышкин²³, С. Ю. Гуцалов²⁴, А. Д. Таиров²⁵, А. Г. Гаврилюк²⁶ и С. В. Сиротин²⁷.

¹⁷ Мирошина Т.В. Амазонки у сарматов и проблема матриархата // Проблемы скифо-сарматской археологии. – 1990. – С. 159-176; Davis–Kimball, Jeannine, and Leonid T. Yablonsky. Kurgans on the Left Bank of the Piek: Excavations at Pokrovka 1990 – 1992. – Berkeley, 1995. – Pp. 21-22; Стрижак М.С. К вопросу о женских погребениях Приуралья и Поволжья VI – IV веков до н.э. // Этнические взаимодействия на Южном Урале. – Челябинск, 2006. – С. 90-92.

¹⁸ Берсенева Н.А., Гильмитдинова А.Х. Детские погребения ранних кочевников Южного Урала (IV–II вв. до н.э.) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2013 – № 2 (21) – С. 36-44; Багаутдинов Р.С., Мышкин В.Н. К проблеме исследования мужских возрастных групп у кочевников Самаро-Уральского региона (по материалам могильников VI–IV вв. до н.э.) // Вестник СамГУ. – 2013а. – № 8/2 (109). – С. 7-12.

¹⁹ Статистическая обработка погребальных памятников Азиатской Сарматии. Вып. I: Савроматская эпоха. – М.: ИА РАН, 1994. – Вып. I – 224 с.; Статистическая обработка погребальных памятников Азиатской Сарматии. Вып. II: Раннесарматская культура – М.: ИА РАН, 1997. – Вып. II. – 163 с.

²⁰ Смирнов К.Ф. Богатые захоронения и некоторые вопросы социальной жизни кочевников Южного Приуралья в скифское время // Материалы по хозяйству и общественному строю племен Южного Урала. – Уфа: БФАН СССР, 1981. – С. 68-91.

²¹ Пшеничнюк А.Х. Филипповка: Некрополь кочевой знати IV века до н.э. на Южном Урале. – Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН, 2012. – 280 с.

²² Яблонский Л.Т. Элитарная субкультура ранних кочевников Южного Приуралья и механизмы формирования раннесарматской культуры // Элита в истории древних и средневековых народов Евразии. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2015. – С. 37-61.

²³ Мышкин В.Н. Типы погребального обряда социальной элиты кочевников Самаро-Уральского региона в VI – V вв. до н.э. / Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Т. 15. – № 1. – 2013. – С. 219- 225

²⁴ Гуцалов С.Ю. Погребальные памятники кочевой элиты Южного Приуралья середины I тыс. до н.э. // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2007. – 2 (30). – С. 75-92.

²⁵ Таиров А.Д. Кочевники Восточного Туркестана и формирование раннесарматской культуры Южного Урала // ВДИ. – 2006. – № 1 – С. 134-135.

²⁶ Таиров А.Д., Гаврилюк А.Г. К вопросу о формировании раннесарматской прохоровской культуры // Проблемы археологии урало-казахстанских степей. – Челябинск, 1988. – С. 141-159.

²⁷ Сиротин С.В. Дромосные и подбойно-катакомбные погребения ранних кочевников восточной и юго-восточной (степной) Башкирии // Степи Северной Евразии. Материалы VII Международного симпозиума / Под науч. ред. А.А. Чибилева. – Оренбург: Печатный дом «Димур», 2015. – С. 781-783.

Несмотря на почти вековую историю исследования погребений ранних кочевников Южного Урала в социальном аспекте, за все это время актуальными темами для исследования являлись различные элементы социальной археологии, многие из которых исследованы весьма мозаично и нуждаются в более глубоком изучении.

Целью работы является реконструкция социальной структуры ранних кочевников Южного Урала второй половины VI–IV вв. до н.э. по материалам погребальных памятников.

Исходя из поставленной цели определяются исследовательские **задачи**, которые заключаются в том, чтобы:

- 1) рассмотреть историю изучения социальной структуры ранних кочевников Южного Урала;
- 2) определить методы изучения социальной структуры ранних кочевников Южного Урала второй половины VI–IV вв. до н.э. по материалам погребальных памятников;
- 3) провести анализ половозрастных групп ранних кочевников Южного Урала второй половины VI–V вв. до н.э. и конца V–IV вв. до н.э.;
- 4) на основе результатов половозрастных анализов попытаться реконструировать горизонтальную структуру общества ранних кочевников;
- 5) выявить признаки социально-имущественной дифференциации в погребальном обряде ранних кочевников Южного Урала второй половины VI–IV вв. до н.э.
- 6) исследовать погребальные памятники кочевой элиты, и других социальных групп ранних кочевников Южного Урала;
- 7) реконструировать социальную структуру кочевого населения Южного Урала второй половины VI–IV вв. до н.э., а затем рассмотреть ее в контексте социальных структур кочевников евразийских степей.

Объектом исследования являются погребальные памятники ранних кочевников Южного Урала второй половины VI–IV вв. до н.э.

Предметом исследования является социальная структура ранних кочевников Южного Урала второй половины VI–IV вв. до н.э.

Хронологические рамки исследуемых памятников ранних кочевников включают два периода, представленные: 1) второй половиной VI–V вв. до н.э.; и 2) концом V–IV вв. до н.э.

Географические рамки исследования охватывают степную зону Южного Урала, которая включает в себя два достаточно четко очерченных историко-культурных региона – Южное Приуралье и Южное Зауралье. Граница между ними проходит, по восточным отрогам хребта Урал-Тау, правобережью Сакмары, через устье Губерли и далее по горам Мугоджары, по водоразделу Илека и Ори, Эмбы и Иргиза.

Методы исследования были определены исходя из поставленных цели и задач. Из общенаучных методов использованы анализ и обобщение. Применены специальные методы археологических и исторических исследований: историко-типологический, историко-сравнительный и ретроспективный методы. При работе с материалом и его обработке был применен контекстуальный анализ. Для создания базы данных и проведения эмпирического анализа материала использовались программы пакета Microsoft Office 2013 (Word, Access и Excel 2013). Также был применен метод графического анализа путем построения бивариантных графиков для попарного сравнения признаков в программе Statistica.

Источниковая база диссертационной работы представлена подкурганскими захоронениями Южного Урала. Всего было проанализировано 216 курганов, в них выявлено 387 погребений, в которых захоронено не менее 542 индивидов. Исследование опирается на широкий круг как опубликованных источников, так и материалов из архива ИА РАН. Специфика диссертации предполагает использование материалов полевых археологических исследований, совершенных в административных и географических регионах, входящих в состав территории Южного Урала, а именно в: Оренбургской области, Республике Башкортостан и в Западном

Казахстане. Также были использованы результаты исследований, проведенных физическими антропологами и этнографические материалы, полученные в результате изучения кочевых и полукочевых народов.

Материал исследования представлен памятниками разной степени сохранности и информативности. Из 216 курганов не ограбленными являлись только 85 (39,3%), остальные 131 курганов были потревожены грабителями в древности или настоящее время (60,7%). Так как учитывался только факт грабительского проникновения в памятник, то некоторые погребения, располагавшиеся в большинстве случаев по периферии курганного пространства, являлись непотревоженными. Исходя из этого, производился отдельный подсчет количества не нарушенных захоронений, и погребенных в них индивидов (в случаях парного или коллективного характера захоронений). К числу нарушенных были отнесены не только потревоженные грабителями погребения, но также захоронения, причиной разрушения которых становились деятельность норных животных, последствия от проведения погребальных ритуалов во время захоронения, пахота, более поздние впускные захоронения, и прочие возможные причины, приведшие к нарушению целостности погребальных комплексов. В итоге, из общего количества, рассматриваемых в исследовании погребений, непотревоженными являлись 232 захоронения из 387, что составляет почти 60% от анализируемой выборки. Среди 542 погребенных были выявлены 304 костяка без следов нарушения (56,9%). Таким образом, несмотря на преобладающее число ограбленных курганов, непотревоженные погребальные комплексы встречаются более, чем в половине случаев. Данное обстоятельство свидетельствует об общей положительной ситуации в плане информативности рассматриваемого материала, даже с учетом потревоженных, главным образом центральных, погребений, которые несомненно имеют ключевое значение как для решения отдельных задач исследования в частности, так и для достижения основной цели в целом.

Также, для настоящей работы очень важно наличие половозрастных определений. Возрастная группа по принципу «взрослый/не взрослый» была определена в 92% случаев. Но эти определения были сделаны как физическими антропологами, так и археологами. При этом, более точных половозрастных определений известно меньше: биологический пол определен специалистами почти в 53%, а категории биологического возраста – всего в 29%. В силу разной степени информативности исследуемого материала, половозрастной анализ проводился в несколько этапов, которые достаточно подробно описаны в главе, посвященной методам исследования.

Научная новизна исследования заключается в том, что социальная структура и общественные отношения кочевого населения Южного Урала в период со второй половины VI по IV вв. до н.э. становятся объектом самостоятельного исследования впервые за последние три десятилетия. Помимо того, что анализируются детали погребального обряда и инвентаря в погребениях ранних кочевников, впервые проведено сравнение погребальных обрядов в группах погребений Южного Урала второй половины VI–V вв. до н.э. и конца V–IV вв. до н.э. по таким показателям как трудовые затраты на сооружение курганов, признаки пространственной локализации погребений, параметры могильных ям, количество инвентаря в могилах и других признаков. Прослежена динамика половозрастной и социальной структур кочевого населения Южного Урала на протяжении двух рассматриваемых периодов.

Основные положения работы, выносимые на защиту.

1. Анализ погребальных памятников Южного Урала показал, что в захоронениях второй половины VI–V вв. до н.э. и конца V–IV вв. до н.э., имеется ряд отличий, которые проявлялись в первую очередь, в параметрах насыпей курганов, разновидностях надмогильных сооружений, типах и конструкциях могильных ям, а также в наборе и составе погребального инвентаря, обнаруженного в комплексе с погребенными. Некоторые отличия были связаны со спецификой культурных традиций, господствовавших в

каждом из периодов. Нередко причина этих отличий заключалась в различиях социального статуса в обществе, которые являлись отражением особого положения, либо в вертикально-статусной (иерархической), либо в горизонтальной (половозрастной, семейно-родственной) плоскостях социальных взаимоотношений.

2. Половозрастная дифференциация, отраженная в погребальных обрядах ранних кочевников Южного Урала, в первую очередь проявляется на материалах погребений взрослых и детей, и уже затем – мужских и женских захоронений. Результаты исследования подтвердили данные о различиях между половозрастными группами у ранних кочевников Южного Урала, известные по данным других кочевых обществ степей Евразии.

3. В обществе ранних кочевников Южного Урала существовала социальная дифференциация, основанная как на половозрастных особенностях, так и на специфике хозяйственной деятельности и общественно-значимых функциях членов коллективов. Вероятно, что в результате социального расслоения внутри кочевого населения Южного Урала образовывались социально-значимые группы, среди которых возможно выделить категории: «бедного», «рядового» и «элитного» слоев кочевого населения. Наличие памятников, предположительно, принадлежавших представителям «элитной» прослойки кочевого общества, говорит о глубокой имущественно-социальной дифференциации внутри общества, что имеет явное отражение в чертах погребального обряда и составе инвентаря.

Теоретическая значимость работы. В результате проведенного исследования получена новая информация о социальной структуре ранних кочевников. Выводы диссертации могут являться отправной точкой для будущих исследований в рамках социальной археологии, которые, во-первых, позволят проводить сравнительные исследования с данными сопредельных регионов. А во-вторых – дальше развивать это направление с привлечением методов естественно-научных дисциплин с целью получения

более достоверных результатов, и с использованием новых математико-статистических инструментов для анализа погребальных памятников.

Практическая значимость работы. Результаты исследования могут учитываться при разработке спецкурсов и обобщающих трудов, подготовке учебно-методических пособий по истории раннего железного века Южного Урала и сопредельных регионов, а также при подготовке и оформлении музейных экспозиций.

О степени достоверности полученных результатов диссертационного исследования свидетельствует значительный объем использования археологических источников, анализ которых проводился в совокупности с этнографическими, историческими и палеоантропологическими материалами.

Апробация результатов исследования. Основные положения работы изложены в 17 печатных работах, 3 из которых опубликованы в рецензируемых изданиях из списка ВАК. Результаты исследования докладывались автором: на IV (XX) Всероссийском археологическом съезде (Казань, 21-25 октября 2014 г.), на заседаниях отдела Скифо-сарматской археологии Института археологии РАН (Москва, 2018 и 2019 гг.), на круглом столе кафедры археологии «Проблемы железного века» в феврале 2018 г. (Москва, МГУ им. М.В. Ломоносова), а также на конференциях: «Новое в исследованиях раннего железного века Евразии: проблемы, открытия, методики» (ИА РАН, Москва, 13-14 ноября, 2017 г.); VII Всероссийская (с международным участием) научная конференция «Этнические взаимодействия на Южном Урале. Сарматы и их окружение» (Челябинск, 26-28 ноября, 2017 г.); «Мужской и женский мир в отражении археологии» (Уфа, 19-22 ноября, 2018г.); X Международная научная конференция «Проблемы сарматской археологии и истории» (Севастополь, 23-29 сентября, 2019 г.); «Археология ранних кочевников евразийской степи: актуальные проблемы и перспективы их решения» (ИА РАН, Москва, 12-13 ноября, 2019 г.).

Структура работы определена поставленными задачами и включает в себя введение, пять глав, заключение, список литературы, список сокращений. Приложение представлено обзором погребальных памятников, картами, альбомом иллюстраций, таблицами, диаграммами и графиками.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **Введении** обосновывается актуальность темы, степень ее изученности, обозначены объект, предмет, цель и задачи исследования, определяются хронологические и территориальные рамки работы, ее методическая и методологическая основы, указаны научная новизна и практическая значимость диссертационного исследования, сформулированы положения, выносимые на защиту, устанавливается степень достоверности полученных результатов.

Глава I. История изучения социальной структуры кочевых обществ раннего железного века на Южном Урале.

В данной главе рассматривается история изучения памятников ранних кочевников Южного Урала, излагаются основные взгляды исследователей на ключевые проблемы развития кочевых обществ южноуральского региона второй половины I тыс. до н.э., и анализируются этапы исследования социальной организации ранних кочевников степного пояса Евразии в целом и южноуральского региона в частности.

1.1. Основные этапы истории изучения археологических памятников ранних кочевников Южного Урала

В конце XIX-начале XX вв. накоплению материала по древностям Южного Урала способствовали работы П. С. Назарова, А. А. Спицына и Ф. Д. Нефедова²⁸.

Значительный вклад в разработку сарматской проблематики в российской археологической науке был внесен членами Оренбургской

²⁸ Известия Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии при Московском университете. – Т. XVIII, 1889 – 298 с.; Нефедов Ф.Д. Отчет об археологических исследованиях в Южном Приуралье, произведенных летом 1887 и 1888 гг. // МАВГР. М. 1899. Т. 3.

Ученой Архивной Комиссии (ОУАК) (1887–1918), материалы раскопок которых послужили основой для написания в 1918 году М. И. Ростовцевым монографии, в которой были заложены основы хронологии и периодизации сарматских памятников²⁹.

Большое влияние на развитие сарматоведения оказала работа Б. Н. Гракова, которая на много лет вперед определила направление исследовательских работ по этой тематике³⁰.

Изучение ранних кочевников савромато-сарматского времени Южного Приуралья было тесно связано с активной деятельностью К. Ф. Смирнова³¹ и М. Г. Мошковой³², под руководством которых начались систематические раскопки на территории Южного Приуралья.

Значительный вклад в изучение курганов савромато-сарматского времени на территории Челябинской области был сделан: Г. Б. Здановичем, М. К. Хабдуллиной³³, Т. С. Малютиной³⁴, Н. Б. Виноградовым, С. Г. Боталовым, А. Г. Гаврилюком³⁵ и А. Д. Таировым³⁶.

На территории Башкирии и Оренбургской области значительное количество памятников раннего железного века было раскопано специалистами Института языка, литературы и истории БЦ УО АН СССР

²⁹ Ростовцев М.И. Курганные находки Оренбургской области эпохи раннего и позднего эллинизма // *Материалы по археологии России*. – Петроград: Девятая государственная типография, 1918. – № 37. – 124 с.

³⁰ Граков Б.Н. Указ. соч. 3. – С. 100-121.

³¹ Смирнов К.Ф. Раскопки древних курганов под Орском // *ВИ*. – 1973. – № 7. – С. 207; Смирнов К.Ф. Сарматские погребения в бассейне р. Кинделя Оренбургской области // *КСИА*. – Вып. 107. – 1966. – С. 33-44; Смирнов К.Ф. Сарматы на Илеке. – М.: Наука, 1975. – 176 с.; Смирнов К.Ф., Попов С. А. Савромато-сарматские курганы у с. Липовка Оренбургской области // *Памятники Южного Приуралья и Западной Сибири сарматского времени*. МИА. – № 153. – М.: Наука, 1972. – С. 3-26.

³² Мошкова М.Г. Ново-Кумакский курганный могильник близ г. Орска // *Памятники скифо-сарматской культуры*. МИА. – № 115. – М., 1962. – С. 206-241; Мошкова М.Г. Савроматские памятники Северо-Восточного Приуралья // *Памятники Южного Приуралья и Западной Сибири сарматского времени*. МИА. – № 153. – М.: Наука, 1972. – С. 49-78.

³³ Зданович Г. Б., Хабдуллина М. К. Курган Темир // *Ранний железный век и средневековье Урало-Иртышского междуречья*: Межвуз. сб. Челябинск. 1987. – С. 45-65.

³⁴ Хабдуллина М.К., Малютина Т.С. Погребальный комплекс V – IV вв. до н.э. из Челябинской области // *КСИА*. – 1982. – Вып. 170. – С. 73-79.

³⁵ Гаврилюк А.Г. Прохоровская культура на Южном Урале // *Скифо-сибирский мир (социальная структура и общественные отношения)*. Тез. докл. Все-союз. археологической конф. Ч. II. Кемерово: б.и., 1989. – С. 58-59.

³⁶ Таиров А.Д., Гаврилюк А.Г. К вопросу о формировании раннесарматской прохоровской культуры // *Проблемы археологии урало-казахстанских степей*. – Челябинск, 1988. – С. 141-159.

Н. А. Мажитовым, А. Х. Пшеничнюком³⁷, Б. Б. Агеевым³⁸, В. А. Ивановым и Р. Б. Исмагиловым, С. Н. Заседателевой³⁹.

В Уральской области исследованиями древностей ранних кочевников занимались: Б. Ф. Железчиков⁴⁰, В. А. Кригер, М. Г. Мошкова⁴¹ и Г. А. Кушаев⁴²; в Актюбинской области – М. К. Кадырбаев⁴³, Ж. К. Курманкулов⁴⁴.

В связи с исследованием черт раннесарматской (прохоровской) культуры в Южном Приуралье и Зауралье с конца 1980-х годов началась активная работа над периодизацией памятников ранних кочевников⁴⁵.

1.2. Краткий историографический обзор исследования социальной структуры ранних кочевников Южного Урала

С начала XX века значительное внимание исследователей было сконцентрировано на проблеме существования пережитков матриархата у савроматов. Ее обсуждение вызвало в свое время весьма оживленную дискуссию, продлившуюся вплоть до середины 70-х гг. прошлого века.

Изучение социальной дифференциации ранних кочевников Южного Урала началось с работ М. И. Ростовцева, который отмечал высокий социальный статус населения, оставивших курганы в оренбургских степях.

Затем данной темой занимался К. Ф. Смирнов, по мнению которого в среде ранних кочевников Южного Приуралья в VI–IV вв. до н.э. происходил интенсивный процесс социальной дифференциации и классовообразования.

³⁷ Пшеничнюк А.Х. Культура ранних кочевников Южного Урала. – М.: Наука, 1983. – 200 с.

³⁸ Агеев Б.Б. Раскопки в южных районах Башкирии // АО-1973. – М.: 1974. – С. 129-130.

³⁹ Заседателева С.Н. Исследование могильника Новоорский-II // АО-1983. – М.: б.и., 1984. – С. 146-147.

⁴⁰ Железчиков Б.Ф. Савроматы и ранние сарматы (некоторые итоги исследования) // Древняя и средневековая история Нижнего Поволжья: Изд-во Саратовского университета, 1986. – С. 54-66; Железчиков Б.Ф. Степи Восточной Евразии в VI–II вв. до н.э. // Проблемы сарматской археологии и истории (Тез. докл. конференции). – Азов: б.и., 1988. – С. 57-64.

⁴¹ Мошкова М.Г. Комплекс с ритонем из Уральской области // СА. – 1981 – № 4. – С. 171-185.

⁴² Мошкова М.Г., Кушаев Г.В. Сарматские памятники Западного Казахстана // Проблемы археологии Урала и Сибири. М.: Наука, 1973. – С. 258-268.

⁴³ Кадырбаев М.К. Курганные некрополи верховьев р. Илек // Древности Евразии в скифо-сарматское время. – М.: Наука, 1984. – С. 84-93.

⁴⁴ Кадырбаев М.К., Курманкулов Ж.К. Материалы раскопок могильника Бесоба // Археологические исследования в Отраре. – Алма-Ата: Наука, 1977. – С. 103-115.

⁴⁵ Железчиков Б.Ф., Пшеничнюк А.Х. Указ. соч., 1994. – С. 5-8; Таиров А.Д. Указ. соч., 2000. – С. 16-28; Гуцалов С.Ю. Указ. соч., 2007. – С. 75-92.

С конца 90-х гг. прошлого века до настоящего времени актуальной темой для исследования является изучение элитных погребений ранних кочевников.

Глава II. Методы реконструкции социальной структуры кочевников Южного Урала второй половины VI-IV вв. до н.э. по данным археологии

2.1. Проблемы изучения древних обществ по материалам погребального обряда

Рассматривается ряд вопросов, связанных с проблемами социальных реконструкций древних обществ и поиском методов для проведения такого рода исследований.

Основным итогом параграфа является то, что автор работы отдает предпочтение контекстуальному методу исследования, который заключается в рассмотрении и включении всех погребальных памятников в единую выборку. При контекстуальном анализе выявление «нейтральных» и «социоинформативных» элементов погребального обряда не составляет труда, а вся дополнительная информация сохраняется и фиксируется.

2.2. Методика исследования половозрастных групп кочевников Южного Урала второй половины VI-IV вв. до н.э.

Половозрастной анализ является одним из наиболее важных аспектов исследования социальной структуры древних обществ. Он заключается в вычленении признаков, связанных с возрастом и полом погребенных.

Изучение возрастных групп древних популяций необходимо проводить в рамках категорий определенного биологического возраста. В данной работе используется схема разбиения на возрастные группы, основанная на стадиях изменения скелета по В. П. Алексееву и Г. Ф. Дебецу⁴⁶.

⁴⁶ Алексеев В.П., Дебеч Г.Ф. Краниометрия. Методика антропологических исследований. – М.: Наука, 1964. – 128 с.

2.3. Теоретические и методические принципы исследования социальной дифференциации в группах кочевников Южного Урала второй половины VI-IV вв. до н.э.

Параграф посвящен определению методов исследования социальной дифференциации и включает в себя два подпункта.

2.3.1. Понятийный аппарат, как рабочий инструмент в исследовании социальной дифференциации ранних кочевников

Рассмотрев все понятия, маркирующие высокий социальный статус ранних кочевников Южного Урала, были выбраны наиболее корректные термины, а именно: «элита», «знать», «богатые погребения», «верхушка общества». С наибольшей осторожностью стоит относиться к понятиям: «аристократия», «царь» и «вождь».

2.3.2. Критерии погребального обряда элиты кочевого общества Южного Урала

Выделен ряд признаков, по которым необходимо проводить исследование элитных памятников Южного Урала второй половины VI-IV вв. до н.э. к числу которых относятся: 1) характеристика насыпи (анализ диаметра, высоты, объема и конструкции насыпи кургана); 2) анализ внекурганного пространства: наличие или отсутствие рвов вокруг курганов и их характеристика, учитывающая глубину и наличие перемычек в нем; 3) анализ подкурганного пространства. Здесь рассматривались наличие валов и их параметры, а также наличие перемычек в нем. В этой категории также были изучены наличие подземных (тайных) ходов, и остатки тризны, если они были; 4) характеристика погребального сооружения, где анализировались надмогильные погребальные сооружения: их наличие и типы, а также следы их горения, если такие есть (частота встречаемости и их разновидности); 5) характеристика погребений в пространстве кургана относительно центра; 6) анализ типов погребальных ям, их формы и размеры; 7) анализ погребенных: их количество и локализация в камере (положение, поза и их ориентировка по сторонам света); 8) анализ жертвенных животных

(и их вид); 9) характеристика погребального инвентаря, учет количества и «богатства» вещевого комплекса, в частности наличие предметов из драгоценных металлов, импорта, обилие украшений и оружия.

2.4. Методы реконструкции социальной структуры ранних кочевников Южного Урала

К признакам учета трудозатрат при сооружении погребального комплекса относились: 1) общие размеры курганов, учитывающие диаметр, высоту и объем насыпей (в м³); 2) наличие рвов и валов; 3) конструкции насыпей курганов; 4) наличие надмогильных сооружений и их типы; 5) зафиксированные следы горения надмогильной конструкции, косвенно указывающие на размеры сооружения (в случае, если оно само не сохранилось).

Для анализа погребений рассматривались: 1) положение ям в кургане относительно его центра; 2) размеры и глубина могильных ям; 3) ориентировка погребений; 4) формы могильных ям; 5) разновидность типов погребальных ям.

Погребальный инвентарь рассматривался по принципу его принадлежности к погребенному, что составляло так называемые «комплексы». Инвентарь анализировался по категориям: 1) оружие, 2) украшения; 3) посуда; 4) предметы быта; 5) предметы культа и туалета. Отдельный учет производился по наличию предметов из драгоценных металлов.

ГЛАВА III. Половозрастная характеристика кочевников Южного Урала второй половины VI–IV вв. до н.э.

3.1. Исследование возрастных групп в погребальном обряде кочевников второй половины VI–V вв. до н.э.

В данном параграфе были охарактеризованы взрослый и детский погребальные обряды кочевников Южного Урала второй половины VI–V вв. до н. э. (3.1.1.) и конца V–IV вв. до н.э. (3.1.2.).

Результаты исследований, проводимых в параграфе, представлены в подпункте **3.1.3. Сравнительный анализ взрослого и детского погребальных обрядов VI–IV вв. до н.э.**

Погребения взрослых обычно совершались: 1) в центральной части кургана, при этом нередко они совершались и по периферии; 2) в камерах прямоугольной и овальной форм; 3) преобладающим типом погребений для памятников второй половины VI–V вв. до н.э. являлись ямы с деревянными перекрытиями, а для погребений конца V–IV вв. до н.э. – ямы с подбоями; 4) для погребений второй половины VI–V вв. до н.э. – наиболее характерна широтная ориентировка, а для конца V–IV вв. до н.э. – меридиональная; 5) погребенные второй половины VI–V вв. до н.э. в основном ориентированы головой на запад, а конца V–IV вв. до н.э. – на юг; 6) в захоронениях конца V–IV вв. до н.э. некоторые категории инвентаря представлены более разнообразными наборами предметов, которые в количественном и качественном соотношении преобладают над вещевыми комплексами во взрослых погребениях второй половины VI–V вв. до н.э.

Детей, по большей части, хоронили в простых грунтовых ямах по периферии кургана. Среди детских захоронений второй половины VI–V вв. до н.э. преобладала ориентировка СЗ–ЮВ, а конца V–IV вв. до н.э. – меридиональная. Погребальный инвентарь в детских захоронениях представлен менее разнообразными вещами, по сравнению с наборами предметов во взрослых захоронениях. В основном, детей хоронили только с керамической посудой. Во взрослых погребениях инвентарь отличался обилием и разнообразием в отличие от детских, для которых характерно отсутствие многих категорий погребального инвентаря, таких как: защитное вооружение, конская сбруя, металлическая посуда и деревянные чаши.

3.2. Отражение гендерной дифференциации в погребальном обряде кочевников Южного Урала второй половины VI–IV вв. до н.э.

Характеризуются мужские и женские захоронения кочевников Южного Урала второй половины VI–V вв. до н. э. (3.2.1.) и конца V–IV вв. до н.э.

(3.2.2.). Основные результаты представлены в **3.2.3. Сравнительный анализ мужского и женского погребального обряда в погребениях кочевников второй половины VI–IV вв. до н.э.**

Мужские погребения второй половины VI–IV вв. до н.э., как правило, совершались в центре кургана. Большинство женских погребений второй половины VI–V вв. до н.э. были обнаружены в центральной части кургана, а конца V–IV вв. до н.э. – в разных его частях: и в центре, и по периферии. Помимо преобладающей традиции захоронения мужчин и женщин в простых грунтовых ямах, для выборки второй половины VI–V вв. до н.э. были характерны захоронения в ямах с деревянными перекрытиями, а для конца V–IV вв. до н.э. – в ямах с подбоями. Прямоугольная и овальная формы погребальных камер являлись преобладающими как среди мужских, так и среди женских погребений. В основном, мужские и женские погребения второй половины VI–V вв. до н.э. имели широтную ориентировку, а конца V–IV вв. до н.э. – меридиональную.

Для мужских погребений второй половины VI–V вв. до н.э. характерно большое количество керамической посуды, оружия, предметов культа и туалета, бытовых вещей. Погребения мужчин конца V–IV вв. до н.э. характеризуются большим количеством оружия, украшений, относительным преобладанием деревянных чаш и предметов быта.

Инвентарь, встречающийся в женских погребениях второй половины VI–IV вв. до н.э. характеризуется большим количеством украшений, керамической посуды, предметов культа и туалета.

3.3. Погребальный обряд представителей половозрастных групп кочевников Южного Урала второй половины VI–IV вв. до н.э.

В данном параграфе представлены результаты исследования, заключающегося в изучении групп, разделенных по категориям биологического возраста: *Infantilis I-II*, *Juvenilis*, *Adultus*, *Maturus* и *Senilis*. Как и в предыдущих параграфах, вся основная часть анализа проводилась в первых двух подпунктах: **3.3.1. Анализ погребений представителей**

половозрастных групп второй половины VI–IV вв. до н.э. и 3.3.2. Анализ погребений представителей половозрастных групп конца V–IV вв. до н.э.

Результаты данного исследования были изложены в **3.3.3. Сравнительный анализ погребений представителей половозрастных групп второй половины VI–IV вв. до н.э.**

В погребениях второй половины VI–V вв. до н.э. наиболее «значимыми» являлись захоронения с погребенными обоих полов категории *Juvenilis*, а для памятников конца V–IV вв. до н.э. наиболее престижными являлись погребения индивидов категории *Adultus*.

Наличие вооружения и знаковых вещей в захоронениях с индивидами старше 50 лет (*Senilis*) говорят в пользу, либо занимаемой высокой позиции погребенными в обществе, либо связано с тем, что члены общества не теряли своей социальной значимости в глазах общественности и продолжали выполнять свои социальные функции несмотря на свой возраст.

ГЛАВА IV. Погребальные памятники кочевой элиты Южного Урала второй половины VI–IV вв. до н.э.

В параграфах: **4.1. Анализ памятников кочевников Южного Урала второй половины VI–V вв. до н.э.** и **4.2. Анализ памятников кочевников Южного Урала конца V–IV вв. до н.э.** проводится подробный анализ параметров курганов (4.1.1. и 4.2.1.), погребений (4.1.2. и 4.2.2.), и погребального инвентаря (4.1.3. и 4.2.3.).

4.3. Сравнительный анализ памятников кочевников Южного Урала второй половины VI–V и конца V–IV вв. до н.э.

4.3.1. Сравнительный анализ признаков курганов

Среди памятников второй половины VI–V вв. до н.э., не прослеживается тенденции сооружения больших курганов, когда для периода конца V–IV вв. до н.э. наоборот характерно наличие курганов с большими насыпями.

В курганах конца V–IV вв. до н.э. надмогильные сооружения встречаются гораздо чаще, чем в курганах второй половины VI–V вв. до н.э. В памятниках

второй половины VI–V вв. до н.э. фиксируются сооружения из сырцового кирпича. В курганах конца V–IV вв. до н.э. большое количество погребений совершалось в центральной могильной яме под, так называемыми, шатровообразными деревянными конструкциями.

4.3.2. Сравнительный анализ признаков погребений

Погребения рассмотренных периодов имели следующие признаки: 1) в памятниках второй половины VI–V вв. до н.э. частота встречаемости погребений в центре равна 60,8%, в курганах конца V–IV вв. до н.э. – 39,2%; 2) преобладающей ориентировкой могильных ям второй половины VI–V вв. до н.э. является широтная (40,8%). Для погребений конца V–IV вв. до н.э. больше всего характерна меридиональная ориентировка ям (32%); 3) среди захоронений конца V–IV вв. до н.э. встречаются более разнообразные формы могильных ям, по сравнению с предшествующим периодом; 4) в погребениях конца V–IV вв. до н.э. разнообразие типов могильных ям больше (52,3%) чем в захоронениях второй половины VI–V вв. до н.э. (35%); 5) наиболее распространенными типами могильных ям в погребениях второй половины VI–V вв. до н.э. являются ямы с деревянными перекрытиями (47,3%), а в погребениях конца V–IV вв. до н.э. – подбой (42,3%), ямы с дромосом (32,5%).

4.3.3. Сравнительный анализ погребального инвентаря

По результатам анализа признаков погребальных памятников и инвентаря, были выделены группы погребений, вероятно принадлежавшие представителям разных социальных категорий кочевого населения, что может свидетельствовать о существовании иерархической структуры, состоящей из нескольких «ступеней» устройства общества ранних кочевников Южного Урала.

Модель социальной организации второй половины VI–V вв. до н.э. включала в себя следующие комплексы: 1. без инвентаря («зависимое» население?) (15,9%); 2. «бедного» населения (30,9%); 3. «рядового»

населения: «группа А» (15,1%) и «группа Б» (15,9%); и 4. «элитные» комплексы (22,2%).

Модель социальной структуры конца V–IV вв. до н. э. состояло из комплексов: 1. без инвентаря («зависимое» население?) (9,4%); 2. «бедного» населения (11,6%); 3. «рядового» населения: «группа А» (29,9%) и «группа Б» (25%); 4. «богатого» населения (6,7%); и 5. «элиты» (17,4%).

ГЛАВА V. Социальная структура кочевого населения Южного Урала второй половины VI–IV вв. до н.э.

5.1. Реконструкция горизонтальной социальной структуры кочевников второй половины VI–IV вв. до н.э.

В подпунктах данного параграфа: ***5.1.1. Возрастные группы кочевников Южного Урала второй половины VI–IV вв. до н.э. в сравнении с данными кочевых культур евразийских степей*** и ***5.1.2. Отражение гендерной дифференциации в погребениях кочевого населения Южного Урала и ранних кочевников степей Евразии*** рассматриваются особенности половозрастных групп кочевого населения Южного Урала второй половины VI–IV вв. до н.э. и проводится сравнение полученных результатов с данными о группах кочевых обществ евразийского степного пояса I тыс. до н.э.

5.1.3. Семья и ее формы в среде ранних кочевников Южного Урала: к вопросу исследования коллективных погребений

По результатам анализа коллективных погребений, можно заключить, что: 1) погребенные в одном пространстве являлись членами одного общества или единой кочевой общины – в пользу этого говорит общий погребальный обряд; 2) погребенные в коллективных захоронениях в памятниках Южного Урала вероятно также могут считаться представителями одной семейной-родовой группы, но для подтверждения этого положения недостаточно данных, подкрепленных результатами естественно-научных дисциплин, таких как физическая антропология или генетика; 3) наибольшая часть погребенных в коллективных захоронениях Южного Урала в ямах с

входом-дромосом вероятно имели высокий социальный статус. При этом не все коллективные погребения можно отнести к элитным.

5.2. Социальная стратификация кочевников Южного Урала второй половины VI–IV вв. до н.э. в сравнении с данными кочевых обществ степей Евразии

В данной главе характеризуется вертикальная дифференциация кочевого общества Южного Урала VI–IV вв. до н.э. и рассматриваются вопросы соотношения кочевого населения Южного Урала с номадами евразийской степи.

В результате исследования социальной дифференциации по материалам погребений ранних кочевников Южного Урала были выделены следующие социальные категории: 1) захоронения без сопровождающего инвентаря; 2) «бедное» население; 3) «рядовое» население, 4) «богатое» население (только для выборки конца V–IV вв. до н.э.); и 4) «элита» кочевого общества.

В пунктах параграфа (5.2.1-5.2.3) отдельно рассматриваются погребальные комплексы, выделенных в диссертации, социальных категорий кочевого населения Южного Урала в сравнении с подобными социальными группами захоронений, выявленных по материалам погребальных памятников кочевников Северного Причерноморья, Подонья, Нижнего Поволжья, Южной Сибири, Центральной и Средней Азии.

5.3. Кочевое население Южного Урала второй половины VI–IV вв. до н. э. в системе кочевого мира степей Евразии в эпоху раннего железа

Погребальные памятники Южного Урала имеют важное значение для истории всего кочевого мира евразийских степей. Полученные данные позволяют нам, хоть и с некоторыми оговорками, поставить наиболее выдающиеся, по своим параметрам, курганы кочевников Южного Урала в один ряд с некоторыми погребальными памятниками Скифии, Казахстана, Алтая. Поэтому, есть основание предполагать, что кочевники Южного Урала могли находиться на близкой стадии социально-экономического развития, что их западные и восточные соседи.

В **Заключении** содержатся основные выводы диссертационного исследования.

1. Очевидно, что детские погребения второй половины VI–IV вв. до н.э., в основном, совершались по упрощенной схеме. В отличие от взрослых, они не всегда соответствовали господствовавшим культурным тенденциям погребального обряда рассматриваемых периодов. Значительная разница между взрослыми и детскими погребениями заключалась в составе и количестве встречающегося погребального инвентаря. В детских погребениях отсутствуют многие категории предметов, которые есть во взрослых захоронениях. Наиболее высокая частота безынвентарных погребений также встречается именно среди детских погребений.

Скорее всего не существовало каких-то специальных канонов и устоявшихся традиций совершения детского погребального обряда. Хотя можно отметить динамику, заключающуюся в более высокой частоте встречаемости оружия, керамической посуды и предметов быта в детских комплексах конца V–IV вв. до н.э.

2. Основные отличия между мужскими и женскими погребениями заключались в составе инвентаря. В захоронениях второй половины VI–V вв. до н.э. и конца V–IV вв. до н.э. к наиболее «мужским» предметам относились оружие и конская сбруя, а к «женским» – украшения, предметы культа и туалета. К гендерно-«нейтральным» вещам относились предметы быта и керамическая посуда.

По сравнению с погребальным инвентарем второй половины VI–V вв. до н.э., в мужских и женских захоронениях конца V–IV вв. до н.э. категории инвентаря представлены наибольшим количеством предметов в каждой из них, и отличались своим разнообразием. Наибольшие различия заключались в завышенных частотах встречаемости предметов вооружения в погребениях обоих полов конца V–IV вв. до н.э. К тому же в погребениях этого времени фиксируется наибольшее количество следов травматизма как на женских, так

и на мужских скелетах. Возможно, что динамика изменчивости в погребальном обряде с конца V–IV вв. до н.э. является последствием каких-то внешних причин, связанных с военной активностью в обществе.

3. Захоронений детей категории *Infantilis I* и *Infantilis II* второй половины VI–IV вв. до н.э. совершались по более упрощенному погребальному обряду. Представители возрастной категории *Juvenilis* скорее всего занимали почетное место в обществе ранних кочевников второй половины VI–V вв. до н.э. Чего не прослеживается в погребениях конца V–IV вв. до н.э., где наибольшее количество инвентаря и предметов престижа было характерно для захоронений индивидов категории *Adultus*. В основном, для старшей возрастной группы (*Maturus* и *Senilis*), не было выявлено каких-либо характерных особенностей. Инвентарь, обнаруженный вместе с ними, больше соответствовал половой дифференциации погребенных, и был представлен большим количеством украшений и предметов культа в женских захоронениях, и оружием – в мужских. Это свидетельствует, что пожилые представители общества ранних кочевников, с возрастом и последствиями его изменения, не утрачивали своих гендерных характеристик и функций, связанных с социальными ролями. Таким образом, результаты анализов, проведенных в настоящем исследовании, в той или иной степени подтверждают существование различий между разными половозрастными группами ранних кочевников Южного Урала.

4. В данной работе были выделены группы социальной дифференциации, основные из которых включали следующие категории: «бедное», «рядовое» и «элитное» население ранних кочевников. Категория рядового населения в памятниках второй половины VI–IV вв. до н.э. была разделена еще на две подгруппы, которые отличались составом инвентаря. Первая подгруппа («группа А») содержала в себе наибольшее количество предметов вооружения, а в погребениях второй группы («группа Б») чаще встречались украшения, предметы быта, культовые предметы и посуда. Вероятно, что отмеченная особенность больше обусловлена гендерным

делением общества. Для населения конца V-IV вв. до н.э., была выделена группа «богатого» кочевого населения, которая занимала промежуточное положение между группой «рядового» населения и «элитной» категорией кочевого населения, и тем самым пополняла ряды последних.

Итак, согласно реконструируемой модели социальной структуры, в обществе ранних кочевников Южного Урала существовала дифференциация, основанная на половозрастных особенностях и социально-имущественном неравенстве. В рамках дифференциации внутри общества ранних кочевников Южного Урала выявлены социально-значимые группы, соответствующие отдельным категориям населения.

Вероятно, основу горизонтальной социальной структуры ранних кочевников могли составлять малые индивидуальные семьи, которые отличались по своему имущественному и социальному положению в коллективе. Археологическим свидетельством такого неравенства являются многоактные, коллективные погребения, представленные обширными ямами с дромосом, которые могли быть усыпальницами для членов знатных семей.

В плане социально-политического устройства, большую роль в обществе ранних кочевников Южного Урала, скорее всего, играла родоплеменная структура, представленная союзом племен, объединенных относительно близкородственными связями.

Таким образом, в результате данного исследования была реконструирована модель сложной социальной структуры кочевого населения Южного Урала второй половины VI–IV вв. до н.э. Несомненно, исследование социальной структуры ранних кочевников имеет большие перспективы и должно быть продолжено с применением как археологических, так и естественно-научных методов.

ПУБЛИКАЦИИ ПО ТЕМЕ ДИССЕРТАЦИИ

*В журналах, входящих в Перечень рецензированных изданий,
рекомендованных ВАК РФ:*

1. Берсенева Н. А., Гильмитдинова А. Х. Детские погребения ранних кочевников Южного Урала (IV–II вв. до н.э.) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2013. № 2 (21). С. 36–44.
2. Гильмитдинова А. Х. Элитные погребения ранних кочевников Южного Урала (краткий обзор отечественной историографии) // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия «Социально-гуманитарные науки». 2018, т. 18, № 3. С. 22–26.
3. Гильмитдинова А. Х. К вопросу о критериях элитных погребальных памятников ранних кочевников Южного Урала VI–IV вв. до н.э. // Вестник Московского университета. Серия 8. История. 2019. №1. С. 123–138.

В других научных изданиях:

1. Гильмитдинова А. Х. Особенности детских погребений савроматского периода (по материалам кургана 4 могильника Кичигино I) // Сборник научных работ аспирантов и студентов исторического факультета ЧелГУ. Выпуск 5. / Под. ред. Т. В. Любчанской. Челябинск: ООО «Издательство РЕКПОЛ», 2011. С. 43–45.
2. Гильмитдинова А. Х. Сравнительная характеристика детских погребений ранних кочевников Южного Урала (VI век до нашей эры – II век нашей эры) // Археология, этнология и антропология Евразии. Исследования и гипотезы: Материалы докладов LII Региональной (VIII Всероссийской с международным участием) археолого-этнографической конференции студентов и молодых ученых / Новосиб. гос. ун-т, ИАЭТ СО РАН. Новосибирск, 2012. С. 127–128.
3. Гильмитдинова А. Х. Детские погребения ранних кочевников на территории Южного Зауралья (VII век до нашей эры–II век нашей эры) //

Этнические взаимодействия на Южном Урале: сб. науч. тр. / отв. ред. А. Д. Таиров, Н. О. Иванова. Челябинск: Рифей, 2013. С. 135–139.

4. Гильмитдинова А. Х. К вопросу о недопредставленности детских погребений в раннесарматских памятниках Южного Урала // Мир истории: новые горизонты. От источника к исследованию: материалы докл. Всероссийск. Науч. конф. студентов, аспирантов и соискателей. Екатеринбург, 1 дек. 2012 г. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та. 2013. С. 24–25.

5. Гильмитдинова А. Х., Таиров А. Д. Дети в социальной структуре ранних кочевников Южного Урала // Молодой исследователь: материалы 66-й студенческой научной конференции. Секции естественных и гуманитарных наук: в 2 т. Челябинск: Издательский центр ЮУрГУ, 2013. – Т. 1. С. 240–244.

6. Гильмитдинова А. Х. Отражение ритуалов жизненного цикла в детских погребениях ранних кочевников Южного Урала // XLVI Урало-Поволжская археологическая конференция студентов и молодых ученых (УПАСК, 5-7 февраля 2014 г., Ульяновск): тез. докл. Ульяновск: ФГБОУ ВПО «УлГПУ им. И. Н. Ульянова», 2014. С. 135–138.

7. Гильмитдинова А. Х. К вопросу о степени вовлеченности женщин в военные действия ранних кочевников Южного Урала (вторая половина VI–II вв. до н.э.) // Международная полевая школа в Болгаре: сборник материалов итоговой конференции. – Казань, Болгар, 2014. С. 38–42.

8. Гильмитдинова А. Х. «Нестандартные» наборы погребального инвентаря в мужских захоронениях ранних кочевников на Южном Урале // VII Башкирская археологическая конференция студентов и молодых ученых: Сб. материалов регион. Науч. конф., г. Стерлитамак, 20 декабря 2014 г. / Отв. ред. С. В. Сиротин. Стерлитамак: Стерлитамакский филиал БашГУ, 2014. С. 19–24.

9. Гильмитдинова А. Х. Женщина в культовой жизни ранних кочевников Южного Урала // Материалы LVI Российской археолого-

этнографической конференции студентов и молодых ученых / отв. ред. А. В. Константинов, И. И. Разгильдеева. – Чита: ЗабГУ, 2016. С. 115–117.

10. Гильмитдинова А. Х. Социальные роли женщин в обществе ранних кочевников Южного Урала // Материалы IX Международной научной конференции «Проблемы сарматской археологии и истории»: сборник статей. Оренбург: Издательство ОГПУ, 2016. С. 66–69.

11. Сиротин С. В., Богачук Д. С., Гильмитдинова А. Х., Огороков К. С. Особенности погребальных конструкций и планиграфическая организация некрополя Филипповка 1 // Крым в сарматскую эпоху (II в. до н.э.–V в. н.э.) / Отв. ред. И. В. Храпунов. Симферополь, 2019. С. 234–243.

12. Гильмитдинова А. Х. Краниофенетическая характеристика ранних кочевников Южного Урала второй половины VI–II в. до н.э. (предварительное сообщение) // Скифия и Сарматия / Отв. ред. А. А. Малышев, М.: МАКС Пресс, 2019. С. 352–359.

13. Гильмитдинова А. Х. Типы погребальных конструкций как маркеры социальной дифференциации ранних кочевников Южного Урала второй половины VI–IV вв. до н.э. // Ранние кочевники Южного Урала и Нижнего Поволжья / Отв. ред. С. В. Сиротин. М.: МАКС Пресс, 2020. С. 44–53

14. Гильмитдинова А. Х. Мужские погребения ранних кочевников Южного Урала второй половины VI–IV в. до н.э. // Археологические памятники Оренбуржья: сб. науч. тр. / Отв. ред. Н. Л. Моргунова; Мин-во просвещения Рос. Федерации, ФГБОУ ВО «Оренб. гос. пед. ун-т». Оренбург: Изд-во ОГПУ, 2021. Вып. 15. С. 124–136.